

ФЕЛЬЕТОНЪ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

Журнальные новости.

Съ новаго года народилось нѣсколько новыхъ журналовъ, общихъ и специальныхъ: „Дѣло“, „Научное Обзоріе“, „Новое Слово“, „Семьянинъ“, „Книголюбивіе“ и еще два-три. Мы познакомились пока съ январскими книжками „Новаго Слова“ и „Семьянина“. Первый журналъ—общій; второй—также общій, но еще плюсъ „семейный“. Первый принадлежитъ къ такъ называемымъ „толстымъ“ ежемѣсячникамъ, второй выходитъ въ размѣрѣ 12—14 печатныхъ листовъ и, значитъ, относится къ числу органовъ ежемѣсячной малой прессы. Редакторъ-издатель „Новаго Слова“ есть Н. А. Баталинъ, редакторъ-издатель „Семьянина“—нѣкто В. М. Краузе. Въ январскихъ книжкахъ обоихъ новыхъ изданій, по существующему обычаю, помещены professions de foi или, проще говоря, намѣренія редакцій. Это любопытно, и мы посмотримъ.

Обращаясь къ читателямъ, г. Краузе съ первымъ же словомъ заявляетъ о своей увѣренности, что ему будутъ „внимать многие“. Его журналъ, видите-ли, уже „расходится по всей Россіи, читается въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ ея, встрѣченный при самомъ рожденіи кликомъ сочувствія“. Уже первые десять дней по объявленіи о томъ, что „въ такомъ-то городѣ живетъ“ В. М. Краузе и будетъ издавать наилучшій журналъ, „сотни подписчиковъ“ адресовались къ редактору и заявили ему о своихъ симпатіяхъ. „Повторяемъ, нѣтъ сомнѣнія подписчиковъ за одинъ мѣсяцъ!“—радостно восклицаетъ г. Краузе. Вы не вѣрите? Фактъ. Г. Краузе доказываетъ это цифрами и, мало того, даже именами. Въ концѣ первой книжки находятся списки указавшихъ, кому и въ какой городъ высылаются 150 экземпляровъ „Семьянина“. Такъ прямо и напечатано, что въ г. Хвалынскъ подписчиковъ журнала состоитъ нѣкто П. С. Барысевичъ, въ Камышинѣ—Н. Н. Поздняковъ, въ с. Баландѣ Е. Н. Ганепокъ, въ Кинешмѣ—такой-то, въ Перехтѣ—такой-то и т. д. Всего 150. Т. е., собственно, не 150, а 100, но Рига городъ большой, и пересчитывать всѣхъ подписчиковъ долго: тамъ ихъ у г. Краузе 50 человекъ. Конечно, Петербургъ, Москва, Харьковъ

тоже большіе города, но тамшніе читатели, за исключеніемъ двухъ трехъ, не успѣли еще подомыслиться на великодушный журналъ, а въ Ригѣ поторопились, подписались и... считать ихъ по именамъ зачѣмъ?..

Во всякомъ случаѣ, новый журналъ, выходящій подъ редакціей новаго человека въ литературѣ, В. М. Краузе, въ первой же книжкѣ принесть нѣчто новое, небывалое. До сихъ поръ въ объявленіяхъ о выходѣ изданій мы находили имена сотрудниковъ; теперь можемъ знать имена подписчиковъ. Объявленіе „длиннаго ряда литературныхъ именъ“ г. Краузе находитъ лишнимъ; напротивъ, онъ постарался скрыть „пока отъ всѣхъ рѣшительно имена своихъ сотрудниковъ“, а вотъ что въ Баландѣ подписался на его журналъ г. Ганепокъ, въ Камышинѣ г. Поздняковъ,—объ этомъ, по его мнѣнію, надо сказать „рѣшительно всѣмъ“. И г. Краузе говоритъ...

Понятно, что, нѣтъ сто подписчиковъ, достойныхъ пропечатанія, и четыре сотни недостойныхъ упоминанія, г. Краузе „просить о сочувствіи“ не желаетъ. Онъ увѣряетъ, что сочувствіе при немъ, и должно быть при немъ, ибо „ваша программа очень обширна“.

Принадлежность къ малой прессѣ отнюдь не исключаетъ большихъ претензій; напротивъ, газеты и журналы этой категории обыкновенно отличаются стремленіями или, по крайней мѣрѣ, общеніями „объять необъятное“. Г. Краузе исключаетъ изъ программы „Семьянина“ „вопросы отвлеченной философіи и высшей политики“ и „все дѣйствующее на низменныя стороны человѣческой природы“, а остальное подлежитъ его вѣдѣнію. Подробнѣе о своихъ задачахъ редакторъ „Семьянина“ говоритъ приблизительно такъ.—Нынешнія повременныя изданія „пробавляются дешевымъ переводнымъ матеріаломъ“, а мы не будемъ. Они „разжигаютъ страсти и низменные инстинкты толпы“, а мы не станемъ. Они „развращаютъ взрослыхъ, подростковъ и дѣтей, притупляютъ вкусъ къ истиннохудожественному“, „витаютъ въ описаніяхъ изъ области фантазіи“ (2), ничего не даютъ „ни уму, ни сердцу, ни нравственному чувству“, а у насъ такъ не будетъ. Однимъ словомъ, всѣ повременныя изданія чрезвычайно плохи, и только „Семьянинъ“ хорошъ. „Семьянину“ предстоитъ большая работа. Съ вѣрой въ себя, а больше всего съ надеждой на подписчика онъ возьмется за „утвержденіе расшатанныхъ въ основаніи устоевъ

этому торгашескому зазывательству. Къ счастью, нѣтъ...

Хотя г. Баталинъ заявилъ себя въ журналистикѣ какъ поощритель тедедцй малой прессы, хотя затѣя его сказать въ своемъ новомъ журналѣ „новое слово“ кажется страннымъ и намъ, но первая книжка вновь предпринятаго нмъ изданія производитъ все-таки пріятное впечатлѣніе, и есть надежда, что „Новое Слово“ будетъ лучше всего, что мы нмѣли раньше отъ его редактора-издателя. „Въ добрый путь!“—говоритъ себѣ г. Баталинъ. Въ добрый часъ! скажемъ и мы г. Баталину.

А все-таки въ какой именно путь отправляется почтенный журналистъ?... Его вступительная бесѣда, помѣщенная на первомъ мѣстѣ въ первой книжкѣ, пока ничего опредѣленно не объясняетъ, да еслибъ и объяснила, то вѣдь дѣло все-же не въ словахъ, а въ дѣлѣ. Г. Баталинъ такъ же, какъ и г. Краузе, жадуется на современную печать, на то, что она не удовлетворяетъ многимъ требованіямъ читателей, но эта жалоба нѣсколько много рода, чѣмъ редактора „Семьинна“. Тонъ дѣлаетъ музыку. Г. Баталинъ по-крайней мѣрѣ не принимаетъ на себя вида человѣка, который сейчасъ всѣхъ благодѣтельствуетъ, всѣмъ небесную манну даетъ. Онъ смотритъ на свою задачу скромнѣе и берется за дѣло съ однимъ сознаніемъ, что его журналъ не будетъ лишнимъ. Это хорошо.

Въ январскомъ номерѣ „Новаго Слова“ помѣщена, между прочимъ, статья г. Голосова „Нэмблемы основы“, въ которой, по поводу послѣднихъ произведеній беллетристики А. П. Чехова, высказывается нѣсколько принципиальныхъ соображеній. Вопросъ, конечно, старый—о тенденціи въ искусствѣ. Г. Голосовъ вѣрно полагаетъ, что вся суть въ томъ, какъ понимать тенденціозность. Въ частности, литературный критикъ, по его мнѣнію, не можетъ не быть публицистомъ. И это опять-таки вѣрно. Но чтобы услышать что-нибудь оригинальное или хорошо формулированное, мы обратимся къ статьѣ В. С. Соловьева, напечатанной въ январской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

Еслибъ сторонники „искусства для искусства“ разужили подъ этимъ только то, что художественное творчество удовлетворяетъ особенной потребности духа и имѣетъ собственную область, то противъ этого никто не сталъ бы спорить. Но они идутъ дальше; вмѣсто законной автономіи для художественной

сферы, они ставятъ за какой-то эстетическій сепаратизмъ. „Но,—хорошо возражаетъ г. Соловьевъ,—хотя бы даже искусство было точно такъ-же необходимо для всего человѣчества, какъ дыханіе для отдѣльнаго человѣка, то вѣдь и дыханіе подчинено жизни цѣлаго; и самыя прекрасныя легкія не оживляютъ его, когда поражены другіе существенные органы“.

Мѣстная исторія, продолжаетъ авторъ, ясно свидѣтельствуетъ, какими запутанными и кривыми путями собиралась земля около вождей. Всеобщая исторія говоритъ о еще болѣе сложныхъ путяхъ, какими собирается вся земля, все человѣчество. Для г. Соловьева очевидно, что у исторіи есть дѣль—всеобщая солидарность, къ которой мы должны стремиться всѣ. Значитъ, гдѣ же основаніе признавать для отдѣльныхъ областей спеціальныя, самоодвѣющія дѣла? Гдѣ право эстетическаго сепаратизма? Нѣтъ: искусство не для искусства, а для осуществленія той полноты жизни, которая необходимо включаетъ въ себя и особый элементъ искусства—красоту, но включаетъ не какъ что нибудь отдѣльное и самоодвѣющее, а въ существенной и внутренней связи со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ жизни“. Первый шагъ къ положительной эстетикѣ и состоитъ въ томъ, чтобы отделиться отъ отчужденія врасоты и искусства отъ общаго движенія мировой жизни и признать въ искусствѣ одно изъ средствъ въ достиженію общей жизненной цѣли человѣчества. И этотъ шагъ сдѣланъ еще въ 50-хъ годахъ, сочиненіемъ „Эстетическія отношенія искусства въ дѣйствительности“.

Далѣе г. Соловьевъ въ общихъ чертахъ останавливается на этомъ сочиненіи. Онъ видитъ много недостатковъ въ названной книжкѣ и не берется защищать всѣ выставленные тамъ 17 тезисовъ, но утверждаетъ, что два главныхъ ея положенія останутся навсегда, а именно: 1) существующее искусство есть лишь слабый суррогатъ дѣйствительности и 2) красота въ природѣ имѣетъ объективную реальность. Только отъ этихъ положеній и надо отправляться по дальнѣйшему пути разроботки эстетики.

Такими мысли В. С. Соловьева. Не раздѣлять ихъ могутъ только тѣ изъ защитниковъ „чистой красоты“, которые слишкомъ ослѣвлены блескомъ искусства и поэтому не видятъ общаго смысла жизни.

Н. С.—в.

Въ январѣ
въ изданіи
30 февраля
издана
1894 г.

семьи", и за "заполнение становящейся ощущительной пустоты". Задача трудная, но редакторъ г. Краузе ее исполнитъ. И такъ — вперед! А главное, не нужно по существующимъ периодическимъ изданіямъ судить о насъ; мы соедемъ особая статья. Ты переволены иностранщиной, — мы будемъ любить творенія выдающихся представителей русской мысли: ты общаешь и не исполняешь, а мы доверенныя намъ подписчики деньги будъ мы честно вложить въ дѣло, предназначенное къ служенію истинному благу народа". Рѣшительно всѣ изданія плохи, и только "Семьянинъ" хорошъ. А потому сѣните же подписаться сѣ вы, балабандцы, нерехтинцы, климшицы и прочіе доверчивые люди! Г. Краузе не только журналъ свой пошлетъ, но и фамиліи ваши на розовой обложкѣ пронечатаетъ: да вѣдаетъ потомство!..

Однако, кто же этотъ г. Краузе? Откуда раздается такіе упреки современной журналистикѣ? Кто говоритъ такимъ властнымъ и рѣшительнымъ тономъ? Журналистика г-на Краузе не знаетъ, и г. Краузе журналистики, очевидно, тоже не знаетъ. Но поживемъ — увидимъ, а пока вотъ его собственная рекомендація:

Редакторъ волею судьбы былъ занесенъ въ разныя, самыя отдаленныя края обширной Россіи, жилъ въ нихъ, соприкасаясь съ различными слоями населенія, прислушивался къ бѣшену народнаго пульса, наблюдалъ все окружающее и происходящее вокругъ него; приобрѣлъ знанія и опытъ, имѣетъ всюду знакомыхъ, которыхъ и проситъ теперь поддерживать его начинаніе

Соприкасаясь, прислушиваясь, наблюдалъ, приобрѣлъ знанія и опытъ — видите, какой прекрасный редакторъ г. Краузе! Но важнѣе всего то, что онъ имѣетъ всюду знакомыхъ, которыхъ и проситъ теперь поддерживать его начинаніе".

Конечно, отчего не поддерживать дѣло г. Краузе, если оно заслуживаетъ поддержки? Правда, это немнѣе звучитъ противорѣчіемъ тѣмъ "сотнямъ подписчиковъ", которые будто бы сразу откланулись на новое предпріятіе, и тому самоуверенному толпу, которымъ говоритъ г. Краузе съ читателями, но Богъ съ ними, съ противорѣчіями. Интереснѣе знать, стоитъ ли поддерживать молодой журналъ. Но это окончательно покажетъ дальнѣйшее поведеніе "Семьянина" и его редактора, а пока можно только сказать, что напрасно г. Краузе такое предисловіе написалъ, и что январская книжка "Семьянина", снисходительно выражаясь, не лишена "ощутительной пустоты". Истинно

художественный" вкусъ редактора "Семьянина", кажется, достаточно необработанный: въ первой книжкѣ журнала вы найдете достаточно слабыя стихотворенія, довольно скучныя разсказы, претенціозныя очерки автора съ немнѣе претенціознымъ асевдопимомъ "Шѣвуъ балагуръ", и много такого, что въ другихъ новременныхъ изданіяхъ, навѣрное, не нашло-бы себѣ мѣста. Первая книжка вышла комою. Даже вышедшая отдѣлка статей оставляетъ желать лучшаго, хотя г. Краузе и заявляетъ, что онъ будетъ "внимательно слѣдить за чистотою русскаго языка". Едва-ли редактору вообще удастся удовлетворить этому элементарному требованію. Должно быть знанія и опытъ, приобретенные имъ въ "самыхъ отдаленныхъ краяхъ обширной Россіи", не очень велики, если его собственные дебюты страдаютъ крупными, многочисленными недостатками, и въ томъ числѣ отсутствіемъ "чистоты русскаго языка". Въ январской номерѣ "Семьянина" помѣщенъ переводъ г. Краузе первой рапсодіи "Одиссеи" и примѣрно въ такихъ стихахъ:

Островъ лѣсистый, въ чертогахъ богини
вѣкъ обитаетъ,
Атласа дочь тамъ злокозненнаго, всего моря
который
Вѣдаетъ и тайники, и столбы тамъ огромные
держитъ,
Тѣ столбы, земля и небо которые разъединяютъ...

Нельзя сказать, чтобы это было чисто. Но еще интереснѣе то, что "Семьянинъ" самъ рекомендуетъ "Одиссею" въ переводѣ Краузе, и советуетъ такъ-же, какъ самъ г. Краузе рекомендовалъ "Семьянина". Сначала журналъ дискредитируетъ всѣ прочіе переводы гомеровскаго творенія, а затѣмъ само собою выходитъ, что переводъ г. Краузе самый лучший, не исключая даже перевода Жуковскаго. Впрочемъ, что Жуковский! "Времена его давно миновали", заявляетъ "Семьянинъ", и это совершенно вѣрно. Теперь наступило другое время, — время развѣтвой хлѣстакщины и самонадѣяннаго невѣжества...

И потому такъ долго остановился на "Семьянинѣ" и его редакторѣ, что они не составляютъ исключенія изъ той массы "малой прессы", которая въ сущности только тѣмъ и занимается, что подписчиковъ наивчааетъ и въ свою лавочку зазываетъ. Это дѣйствительно характерное явленіе и значеніе нашего времени. И было бы очень грустно, еслибы мы ничего не имѣли для противопоставленія